

Памяти бабушки, Меланьи Дьяковой

1

Встану утром, оденусь, умоюсь,
В сад окошко свое растворю
И, высокую, в тучах по пояс,
Я над садом увижу зарю.

Нынче будет мое воскресенье.
Здесь, когда я девчонкой была,
Под развесистой вишней весенней
Щебетливая птаха жила.

Я тогда второпях уезжала,
Покидая родное жилье,
И за мной до вокзала бежала
Надоевшая песня ее...

Сколько лет пронеслось, как мгновенье!
Я летела, не помня уже,
Что за свет притупил мое зренье,
Что за шум застоялся в душе.

А вчера воскресенье не вышло.
Помешали уже не дела —
Исплодилось и высохла вишня.
И пичуга, поди, померла.

Молча вслушаюсь в крик петушиный
Или в звонкую песнь соловья —
Всюду пахнет дождем и крушиной.
И волнуется память моя.

2

...Сестер полуголодная орава
Затеет о нарядах зряшный спор —
И мама тихо вымолвит, бывало:
«Мы строимся — какой тут разговор?»

Мы строились. Родителям по силе
Мы помогали в ревностном пылу.
Саман месили и кирпич носили,
А поздно ночью спали на полу.

Мне снился дом высокий и красивый,
И я не знала, что не мне одной.
Недоедая, строилась Россия,
Израненная страшною войной.

3

Во времянке уютись, гуртом
Согреваясь надеждой одною:

Вот построим со временем дом —
И тогда заживем!.. Но весною

Открывался огромный простор,
Где отныне не надо тесниться:
Саманами заваленный двор,
Сором, досками и черепицей.
И пустырь, где травища, как лес,
Разрасталась и дико, и рьяно.
Там, на том пустыре, и окрест
Мы и выросли вместе с бурьяном.
Помню, как за стеною былъя
Из дощечек, стекляшек да ила,
В подражание взрослым, и я
Увлеченно «дома» возводила.
В них торжественно жили потом
И играли ужасные драмы,
Сотворенные мной из цветов
Кавалеры и дети, и дамы.
Для таких разнаряженных дам
В пышных юбках оранжевых — что ты!
Мне хотелось построить фонтан...
И до ночи хватало работы.

Так пустырь и делился со мной
Всем, что было на нем. Он ведь помнил
Разрушительный смерч мировой
Лишь вчера задохнувшейся бойни.
Я не помнила. Знаю из книг,
Что игрушек тогда не хватало,
Но я помню пустырь, где без них
Столько снов золотых пролетало!
Где они? Позастроен пустырь.
Про него и припомнить-то — каюсь! —
Все равно, что вдохнуть нашатырь,
Потому и не очень стараюсь.
Но на черный денек сохраню
В сердце светлый пустырь у вокзала,
Тропку, где наколола ступню,
И полянку, где мак отыскала.
Знаю, это уже до конца —
Вспоминать, как с мгновенной сноровкой
Вдруг росинка коснулась лица,
Щекоча, словно божья коровка.
Над цветущей колючкою шмель
Пролетел и растаял на солнце.
Тихо... Господи, да неужель
Это памятью детства зовется?
Чувства Родины нет без нее,

Сокровенной, болящей и грустной.
И у каждого это свое,
Ни на чье не похожее, чувство...

Вот мы с сестрами вместе росли,
Из гнезда одного вылетали,
А посмотрим в былое — вдали
Видим, каждая, разные дали.
Видит первые танцы Любовь,
Помнит средняя наша, Надежда,
Запах насыпи, рельсы и кровь
На траве, на руках, на одежде.
Угодили под поезд они
Вместе с маленькой Верой, и хрипло
Он кричал, окруженный людьми.
Надя выжила, Вера погибла...

Там, под школой — как я иногда
Вижу — есть городище. Немало
Я построила там, но когда?
Сколько лет и веков миновало?
Бил фонтан под деревьями. Ввысь
Шли ступени строений... Сквозь морок
Суеты и сомнений всю жизнь
Я стремлюсь сюда, как археолог.
Может, зря... Но порой
(да и то в тьме ночной)
Будто птицы какие
Бьются, вьются, тревожат.
— Вы кто? —
Вопрошаю я.
— Сны золотые...

4

Мы шалим. Мы еще не уснули.
Из-под вороха пестрых «одеж»
Раздается ворчанье бабули:
«Снова на ночь не спрятали нож!»

Мы культурные, учимся в школе.
Мы ехидно пищим: «Расскажи
Про свои суеверья: отколе
На ночь крестятся, пряча ножи?»

И всерьез принимая наивно
Интерес наш, поддельно живой,
Баба Миля заводит старинный
Тихий сказ устрашающий свой:

«Вот козак возвернувся до хаты,
Лиг и дримле. А вин сплеховав,
Шо разлигся соби на кровати,
А тесак на столи не сховав...»

Ходят ходики, улицы дремлют,
Поучительно льется рассказ,
Лунным облаком душу объемлет
И тревожит, и путает нас.

Спит и видит казак, что проворно
Пробираясь сквозь стены и мглу,
Человек приближается черный,
Входит в дом и с порога — к столу.

Нож берет он, нахмуривши брови,
Смотрит взглядом холодным, как лед,
Говорит: «Ножик есть — нету крови!»
И к уснувшему молча идет.

Он идет из немеряной дали,
Из глухих, позабытых веков,
Где, как мы, ребятишки внимали
По ночам голосам стариков,
Наших дедов и прадедов, где-то
На сегодня истлевших в земле.
Он идет, укрываясь от света,
К блеску стали на темном столе...

Как же тут не смеяться? Смеялась
Я тогда над боящейся зла
И наивной поэтому малость
Бабой Милей. Теперь поняла

Смысл преданья, что некогда старость
Завещала, идя на покой:
Спрячь оружие, чтоб не валялось
Без надзора, в ночи, под рукой.
А «ножи» - то теперь пострашнее
Тех, что предки имели в виду...
Спит бабуля в земле, а над нею
Птица солнца склевала звезду.

Что же делать мне с этим наследством:
Притчи, сказки... К чему они мне?
Эх, уснуть и проснуться бы в детстве
В самом летнем из памятных дней!
И вскочить, как тогда: что я вижу!
На столе, где валялся тесак,—
Ярко-красные-россыпи вишен

С огоньками в веселых глазах.

Нежность сильная реет над нами,
И незримо парит до сих пор
Еле сдержанной ласки дыханье
Над кудряшками спящих сестер.

Пирожки на печи как попало,
Тесно сгрудились возле тепла...
Ясно: бабушка здесь побывала,
Побывала и тихо ушла.

6

Было много дорог впереди,
Да немного осталось.
Позади — лишь одна,
Мне теперь возвращаться по ней
В то далекое утро,
Где я родилась, удивлялась,
Где качаются маки
И речка бежит меж камней.
Это скоро случится:
Проснусь, как воскресну, и тут же
Вновь на звук незнакомый
Пойду и пойду далеко.
Гляну — женщина в ярком платке,
Не скрывающем уши, громко дует в рожок
И, смеясь, раздает молоко!
Это было давно. И она умерла.
Не итожу, только солнечный свет,
Ты всевидящ, прекрасен, высок,—
Ты скажи, если так, объясни без утайки,
Но кто же рано утром
Смеется и дует призывно в рожок?

И встают предо мною сады в белопенном кипенье,
Стук калиток и женщина в ситцевом ярком платке,
К ней ребенок спешит, спотыкаясь в смешном нетерпенье,
И спешит, как улитка, старушка с бидоном в руке.

ЛЕЛЬ

Этот русский любовный божок —
Некапризный и тихий ребенок.
Он плетет в липняке сапожок,
Он играет ветвями черемух.

А когда он на днях проходил
За межою колхозного сада,—
Ты свистульку ему смастерил,
Я дала ему гроздь винограда.

И, чураясь разбойничьих игр
Ребятишек, галдящик у окон,
Он шагнул в прошлогодний тростник,
Оглянувшись на нас одиноко.

Но покуда стоял он в тени
У плетня с осторожностью лисьей,
Ты шепнул изумленно: «Взгляни!
На плетне распускаются листья!»

КОНЕК-ГОРБУНОК

Хлеб за пазухой, Русь за Душою —
Все при мне. Выхожу за порог,
Где, привязанный дружбой большою,
Ждет меня мой конек-горбунок.
Говорю: «Миновала жарница,
Отстоялись прозрачные дни,
И жар-птицы свои линовища
Затевают по рощам. Взгляни!
Лист ложится узором к узору
В холод вод неподвижных, седых,
Будто вправду все эти озера —
Нерестилища рыб золотых...»
Мы с коняшкой — друзья и соседи,
Потому что мы оба хотим
Видеть жизнь и дороги. Поедем?
А где нету дорог — полетим.
Мы увидим, как тропы змеятся,
Лученосные камни цветут,
Как струистые реки бугрятся
И чутыистые звери живут.
Молчаливого солнца усмешки —
Океанам земле, небесам
И веселых дождей перебежки
По глубоким сентябрьским лесам...
Но куда бы нас ни заносило,
Я коньку не забуду шепнуть,
Чтоб он больше сберег, чем полсилы,
На обратный обыденный — путь.

Просторы, — какие просторы! —
Возникнут за каждым углом...
Я все здесь изъездила в скором
И все исходила пешком.
Отчизна! Ты в платье весеннем.
А сердце... а сердце болит:

Какие еще потрясения
Тебе пережить предстоит?
И трудно приказывать сердцу,
Когда, проезжая жильё,
Завижу я чье-нибудь детство
И, может быть, даже моё.

ИЗ ДЕТСТВА

Что зубрить, когда мопед налажен,
Майский день огромен и душист!
Спросят на уроке — мне подскажет
Одноклассник Петя, хорошист
Сяду и поеду тихо, чтобы
Маем упиваться – благодать! –
Думая о том, что хорошо бы
Валентиной Терешковой стать,
Что нехороши порядки были
Дореволюционной старины:
Девушка созрела – нарядили
И отдали замуж вполцены;
Что пора бы мне остепениться
И красиво выглядеть пора...
Хорошо б в кого-нибудь влюбиться
И страдать, как старшая сестра!

Мама до света вставала,
Выбегала за порог
И золою посыпала
Скользкий утренний ледок.

Шла с ведерком по метели
С бугорка на бугорок...
Что ты, мама, в самом деле?
Ведь до школы путь далек!

Ты б до самой школы, сжалась,
Тропку выстлала золой,
Если б люди не смеялись
Над тобой и надо мной!..

Далеко, как будто с вышки,
Вижу: в белой полумгле
Мама в стареньком пальтишке
На заснеженной земле.

Мама стелет, стелет, стелет,
Посыпает на ледок...

Что ты, мама, в самом деле?
Погляди, как путь далек.

УРОКИ ПЕНИЯ

Школа.
Мальчишек ватаги драчливые.
Голодно.
Пасмурным днем
Песни, про лето
И детство счастливое
Хором нестройным поем.

Грозно ярится,
Теряя терпение,
Учит, шалить не велит Петр Петрович,
Учитель по пению,
Юный — уже инвалид.

Раненный в годы войны
И контуженный,
Сам он не пел, а хрипел
Голосом, словно навеки простуженным..
Все. Отучил и отпел.

Как опустели
Засаженный сливами дворик,
Учительский дом!
Детство-то было
И вправду счастливое,
Как поняла я
Потом.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Не ладили ветры всю ночь меж собой,
Шептались и что-то делили,
И несколько раз мимо окон гурьбой
Шумливо дожди проходили.

Деревья дышали всю ночь тиши
Как овцы в уснувшей кошаре,
Лишь клен по окну моему, как
Растерянно листьями шарил.

Природа воды и природа огня
Меняли обличья... От века
Здесь нечто творилось помимо меня,
Помимо меня, человека.

ПРОВОДНИЦА

Гремя на стыках, поезд мчится.
В вагоне тусклый свет стоит.
Белье считает проводница
И недоверчиво глядит.

Она устала, отвечая
За всех подряд и всем подряд,
Где вечно требуют, скучают,
Острят, качаются, сорят...

О чем, скажите бога ради,
Хлопочет ночи напролет
Она с подругой по бригаде?
Непосвященный не поймет.

Я тоже в прошлом — проводница.
И мне ль не знать ее забот!
Я тороплюсь посторониться,
Когда она чай несет,

Чтобы нечаянным движеньем
Не оказаться на виду
С моим глубоким уваженьем
К ее нелегкому труду.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ПОЛОТНО

Мчалась в ночь по железным дорогам
И по шпалам шагала одна.
Проводница, отмерила много
Я когда-то того полотна.
Мне на многое этого хватит.
И, пока я ищу и дышу,
Не одно я железное платье,
Не одни башмаки изношу,
Узнавая про счастье и горе
Самых разных людей, доберусь
К побережью великого моря
С ослепительным именем «Русь»,
Где под звездным шатром небосвода,
Чуть колеблема рябью имен,
Спит душа золотого народа
В синей чаше минувших времен.

ВОСПОМИНАНИЕ

Ты как живешь трудяга муравей?
Накапливаешь опыт для потомства,
Как лист мариновать, как теплых тлей

Выхаживать в заботах «скотоводства».
На промысел выходишь поутру,
Принюхаешься, усики поправишь —
И в путь! И дотемна в свою нору
Подтаскиваешь, двигаешь и тянешь.
Работничек! А ты меня прости:
Я над тобой посмеивалась, право,
Большие палки на твоём пути,
Раскладывая в детстве для забавы.

Я вышла в дали памяти своей
И, озирая снег высокогорья,
И малосольный воздух Черноморья,
И пыльный злак засушливых степей,
Вдруг забрела в один из летних дней,
Где очень озадаченный и хмурый,
Упавший с палки, старый муравей
Дух переводит перед новым штурмом...

* * *

На станции моей который год —
Зов поездов и запах гари свежей.
Открыт аэропорт, спует народ
Все больше — мимолетный, мимоезжий.

И мне не по себе среди него
С моей ревливой преданностью этим
Домам, полузасыпанным листвой,
И старикам на лавочках, и детям...

Я здесь себе построила жильё.
Сюда я с полдороги возвращалась.
Здесь детство неразумное мое
Когда-то, как ребенок, потерялось.

Хожу, ищу по ближним хуторам,
Зовут его – ни отклика, ни плача.
И только песни слышу по дворам
И новые, и старые — казачьи.

СТИХИ О КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ

Где ты, казачество южной земли?
В травах, в пыли и печали
Грозно-веселые песни твои
По хуторам отзвучали.
Только начнет их мой дед распевать,
В удали слышу тревогу,
Словно хотят они смерть запугать

Бранной отвагой с порога.

В них, будто в браге, когда затворен
Чан, я движение чую:
В поисках лучших краев и времен
Бродят, воюют, кочуют...
Что посулили молва и цари,
Много каких привилегий
В этих краях? И сюда повезли
Переселенцев телеги.

Здесь и оставлены были, как знак
Миру, что каждая кочка
Скарбом, младенцами, лаем собак
Занята Русью — и точка.

Что там, в былом? Героический страх
Труд, темнота и невзгоды,
Да в справедливых неравных боях
Смерть за свои огороды.

Но казаку-то рыдать не к лицу.
Вот он и пел! Как известно,
Чем тяжелее живется певцу,
Тем задушевнее песня.

Доска Почета в маленьком селе,
Открытые. Бесхитростные лица...
Как жили вы на пахотной земле,
Чтобы на ней с почетом утвердиться?
Где, если ты по прихоти какой,
Весь на виду, живой, а не иконный,
Оступишься – засудит суд людской
По древним и не писанным законам.
И на потомство дальнее твое
Достанет пересудов, разговоров...
Сюда не приезжают на житье,
А если уезжают — от позора.
Доска Почета в маленьком селе
Где выставяться — стыд перед живыми
И перед теми, кто лежит в земле,
Взлелеянной трудами вековыми...
Здесь честь одна, как прежде. И вовек
Ее не сменишь: нет другой в запасе.
И если здесь в почете человек,
То он по-настоящему прекрасен.

* * *

- Где нога твоя, деда Игнат?
- На войне потерялась она...

- Так сходи на войну за ногой!
- Не найду и вернусь без другой...
-

И сидят на полу, говорят
Мальчик Гена и деда Игнат.

И тачает Игнат сапоги
Внуку Гене на обе ноги

ПОЙМА РЕКИ КУМЫ

Каждый дом в шеренге молчаливой
Из-под крыши, как из-под руки,
Зорко загляделся на разливы
Взбалмошной, проказливой реки

Пусть Кума теперь совсем другая,
Нрав смирила гордая Кума, -
На ее соседство, не мигая,
Смотрят осторожные дома.

Но уже смелее год от года,
Заселяя пойму у воды,
Вырастаю пышно огороды
И укореняются сады.

Нет, Кума, не зря ты разливалась,
Не бывает худо без добра:
Где весной ты грозно поднималась,
Там земля особенно щедра.

И сама я, кажется, другая:
Поутихла, в русло ухожу.
На свои былые берега я
С пристальной надеждою гляжу.

УЧЕНИЧЕСТВО

Вот стою, поддакивая туго
И хвале горячей, и хуле,
Слушая уныло, как подруга
С чувством говорит о барахле.

Зря стараюсь. Скажет: «Неречист
Взгляд уклончив, вздохи невтопад
Это признак совести нечистой»,—
Так об этом люди говорят.

Я-то знаю: в нашем коллективе
Мойщиц, слесарей, проводников
Нет никого меня счастливей
И глупей от песен и стихов!

Но молчу. Упорно, ежечасно.
Заметаю все свои следы
В деле соучастия в прекрасном.
И, жива предчувствием беды,

Плачу над судьбой осенних кленов
Подбирая желтые листья...
Что мне делать с ним – с неразделенным
И болящим чувством красоты!

СНЕГОПАД

Снегопад на дворе, снегопад...
Вышли вроде бы зимние сроки,
А всю ночь на фонарь одинокий
Мухи белые скопом летят.

Целый мир заслоня, там и тут
Мельтеша, словно снежная завесь,
То обиды, то ревность и зависть
Меж людьми то и дело снуют...

Все же я повторю: нельзя
Видеть только лишь сеть снегопада,
Ведь она пронцаема вся
Для широкого щедрого взгляда!

Ведь не зря, наплывая в тиши,
Тают хлопья, куда и деваясь,
Каждый миг ненароком касаясь
То лица твоего, то души...

ПОХОЛОДАНИЕ

Мне добрый друг принес плохие вести,
А я сказала: «Будет, старина!
Давай поблагодуетствуем вместе
За чаркой прасковейского вина».

У дома осень поздняя стояла.
Туман да сырость – ничего вдали...
Мы яблоки достали из подвала,
Наговорились, душу отвели.

И говорить старались не о мелком,
Чтоб мелкие заботы отпугнуть,
А, скажем, о летающих тарелках,
О смерти и о гениях чуть-чуть.

Дрова горели с трепетом и треском,
Когда в оцепенелой тишине
Как будто кружевную занавеску
Задержал кто снаружи на окне.

Большая сила мертвая стояла
В тот миг за нею - Это был мороз.
Мы вышли в ночь. Вселенная сияла
Кристаллами прорезавшихся звезд.

Мы вышли в ночь и сразу замолчали:
Она была прекрасна, велика.
Мы устыдились маленьких печалей,
А крупных не предвиделось пока.

Будто бы вымерла высь...
Вот и закончилось лето.
А для цветов-однолеток
Нынче закончилась жизнь.

Я, человек, как и ты,
С болью в подавленном вздохе
Переживаю эпохи,
Переживаю цветы...

Говорят, расцвели перелески,
Блики солнца роятся в лесу...
Вот сошью я из них занавески
И сестрице своей отнесу

Будет вьюга свистеть и метаться.
Глянет Надя зимою в окно
И увидит, как блики роятся
От листвы, облетевшей давно.

Увидела я воду в роднике
На желтом шевелящемся песке.
Я пить хотела, но была мелка
Прозрачная водица родника.

Нет, не испить, не зачерпнув песка
С водою взбаламученной... Не надо!
Что чистота твоя без глубины?
И жадно я досматриваю сны
О той воде, что я пила когда-то.

Плеск и шорох дождя
По деревьям и дачам...
Это день, как дитя,
Просыпается с плачем.
От житья-забытья
И от звука пустого
Пробуждаюсь и я
Для раздумья и слова
В незнакомом краю

От толчка неудачи.
Огляжусь – запою,
Но сначала заплачу.

Душой, Психеей бабочка вилась,
А вот теперь... Вы только поглядите,
Как этот школьник рассуждает всласть,
Что бабочка-капустница - вредитель,
И вертит ею около лица,
За крылья ухватив: не трепыхаться!
А крылышек нежнейшая пыльца
Уже осталась у него на пальцах.
Та, без которой ей не полететь –
Уродливо и жалко пресмыкаться...
Душа, Психея, есть о чем болеть,
Когда и у меня пыльца - на пальцах,
И в воздухе стоит она - невмочь...
Да нет! Я не о бабочке казненной –
Ни сломленному мужеству помочь,
Ни гордости, однажды оскорбленной,
Никто не в состоянии... Взгляни!
Взгляни же ты, пожалуйста, повыше,
Лишь слово неприветное заслышишь!
И ты увидишь в солнечные дни,
Как далеко, без края и конца
Взлетает разноцветная пыльца...

Спи, сынок, спокойно до рассвета
Завтра — в путь за правдой. Не одна
Я ходила по дороге этой,
Не скажу, что легкая она.

Только ты оглядывайся чаще
На меня, на отчие края:
Родина врачует дух болящий,
Говорю я, - Родина да я.

В ТЕ ДНИ

В те дни уже я стала привыкать
Всем потакать, казаться интересной
Терпеть, спешить, стараясь занимать
Как можно меньше воздуха и места

С годами тяжелея на подъем,
К вершинам независимого духа,
Ворчать, как одинокая старуха
Ворчит на жизнь над скисшим молоком

И даже очутилась где-то там,
Где всем не по заслугам воздавая,
За доброй славой ходит по пятам,
Как тень ее — недобрая, дурная.

Короче - к полдню, к вечеру - длинней

Влеклась за мною тень самовлюбленно...
Тогда-то и повадилась ко мне
Захаживать ученая ворона.

Мы с ней сошлись. Она была стара.
К тому же, перевидела немало
И все ж была сторонницей добра,
Как я его в то время понимала.

Но нравилось ей часто между тем,
Назвав меня больной и несчастливой,
Поддакивать моей неправоте,
Подзуживать на гнев несправедливый.

И жизнь она расхаивать могла
Так заинтересованно и прытко,
Как будто на уме ее была
На этот счет житейская прикидка.

И дом родимый опротивел мне.
Все рушилось, что склон в лесном овраге,
Маячил дождь в распахнутом окне.
И вихрь ночной обыскивал бумаги.

И мысль моя ворочалась в песке
Сомненья безысходного, пустого.
Вся жизнь моя была на волоске
От дикого посмешища людского.

Дорог не разбирая, в никуда
Любовь влеклась и неприязнь стремилась...
Что ворон! Валят дерево туда,
Куда оно когда-то накренилось.

Довольно, не кричи: «Остановись!»
Я поборола мрак. Но то и дело
Я больше не ворчу уже на жизнь,
Поскольку кое-что уразумела.

ВЕЧЕР

На костре отгоревшего дня
Только алое это светило,
Как последняя головня,
Все еще до конца не остыло.

И гигантский, и сумрачный луч,
Озирая чащобы и недра,
Напоследок взглянул из-за туч
И погас от случайного ветра...

Ночь настала. Уже без огня,
Все ко сну и покою клонило.
Это было сильнее меня,
Я померилась и уступила.

Все насущное скрылось во мгле,
Где и времени нет, кроме мига...

Лишь мерцала в углу на столе
Сокровенно раскрытая книга.

* * *

Малыш мой научился танцевать.
Когда гремят по радио оркестры,
Он топает нетвердыми ногами,
Как маленький ученый медвежонок,
И это означает: «Хорошо!»

А расторопный лучик золотой
Касается светящейся головки,
И вся она — настолько одуванчик,
Что боязно мне: дунешь — облетит!
И бабочки поблизости порхают.

Когда же прекращается концерт,
Тревожно говорит обозреватель
О том, что в мире снова беспокойно,-
Сынишка вопросительно глядит
И видит озабоченные лица...

Я радио поспешно выключаю,
Я песенки веселые пою.
Но в час, когда ребенок засыпает,
Тогда беру я в руки авторучку,
Пишу, преодолевая боль и гнев:

«Пусть голос мой — песчинка в океане
Людских разноязыких голосов,
Он у меня единственный, как совесть.
Его я отдаю в защиту мира.
И только мира требую взамен».

* * *

Проживаю в лесу. А в лесу по весне
Птичьим гомоном день начинается.
Нынче птица в моем распевала окне...
Вот бы знать, как она называется!

Золотая корона из трех волосков,
Голубые парчовые перышки...
Как же много несхожих живет голосков
У пичужки в серебряном горлышке!

Но один из них - грустный - в сознание мое
Закатился с утра, как горошина...
Это - редкая птица. Душа у нее
Не простая - большая, хорошая.

ЦЫГАНКА

Поезд стал на разъезде в сугробах.
Сели двое. Картина ясна:
Смотрят в разные стороны оба,
Оба хмурые — он и она.

И цыганка, бегущая следом,
Лезла в душу к ним, словно в карман,
Познакомилась с женщиной этой,
За мужчиной пошла в ресторан.
Там он пил, озирая устало
Снежный мир в голубом далеке.
И цыганка ему погадала
По глазам, а потом — по руке.

Говорила: Не надо казниться!
Ты тогда ничего не хотел,
А летал ты беспечно, как птица,
И в незримые сети влетел.

Вспомни, как лепетала по-детски,
Чаровала, на помощь звала...
Так бесовки зовут, куролески,
По болотам, где морок и мгла.

Думал ты, что за голос капризный,
За смешок и уклончивый взгляд
Жизнь отдашь, полюбив больше жизни,
И отдал. Не веротишь назад.

Все привычней, в любую погоду
Сам не нужный себе, словно тень,
Получал от нее ты свободу
Лишь по выдаче изо дня в день.

А под вечер она как попало
Прибирала запущенный дом
И на сердце твоём засыпала,
Словно на чемодане с добром.

Но почувяла: сердце скудеет,
Стало меньше в нем сил и добра,
И уже, как декабрь, холодеет:
Что ж, все выпито — значит, пора!

Нет, не скажет: «Тебя я не стою».
А процедит: «Цена тебе — грош!»
И куда ты с душою пустою
Да с ненужной свободой пойдешь?»

...Так цыганка мужчине гадала,
А потом возвратилась в вагон,
Где жена его молча стояла
И глядела в себя, как в огонь.

Поезд мчался. Сказала гадалка,
Поудобней присев у окна:
«Хочешь правды? Мне правды не жалко,
Только, правда - учти - не одна.

Не любовь в тебе — холод и холод
От догадки, что муж твой давно

Не любил, а обманывал голод
По другой, и тебя — заодно.

Ты от ревности сделалась злая,
Не мила ни ему, ни себе...
Та другая — сама ты, бывшая,
Что когда-то любил он в тебе».

Сосчитала цыганка монеты,
Схоронила в пальтишке плохом
И сошла, незаметная, где-то
На ночном полустанке глухом.

Я забыла о ней. Навсегда ли?
Вспоминаю - почти не видна.
Лишь слова ее в душу запали:
«...только, правда — учти — не одна»

* * *

Однажды мне увидеть довелось,
Как тщилась птица склевывать с картины
Правдиво нарисованную гроздь
Ядреной ослепительной рябины.

Вот так и я стихи твои с листа
Читаю: не найти живого чувства!
Зато так много всякого «искусства»-
Того гляди, обманешься спроста.

Учусь огонь держать в узде.
Ему лишь волю дай —
Ого! — как взвихрится везде,
Хватая через край.
Учусь, чтоб, греясь у огня,
Теперь иль через век
Сказали люди про меня:
«Хороший человек».

Мир действительный, мир отраженный,
Отраженный в сознание мое, —
Оба слились в один, искаженный...
Как мне жить и надеяться в нем?

Но живу, но надеюсь и верю,
Но ищу и покой, и уют
Там, где бродят безнорые звери
И безгнездные птицы живут.

Вл. Дятлову

Много песен неспетых утонет
И напрасных тревог отболит
Да неужто рассудок упомнит

Все, что сердце нам делать велит!

И оглянешься позже когда-то
На себя и на даль, и на близь:
Неужели вся эта растрата
Дней и лет называется «жизнь»?

Нет же, нет! Где б тебя ни носило,
Время шло в неслучайной борьбе:
Есть какая-то чистая сила,
Что сочувствует тайно тебе.

* * *

Промчалась эта осень очень быстро
С дарами лета красного в руках.
И второпях она теряла листья,
Лучи, дожди и яблоки в садах.

Глядела я, глазам своим не веря,
Как лето исчезало из дубрав,
И думала об осени: «Растеря»,
Залетный лист в подъезде подобрал.

Ну вот, прошла пора очарованья,
Свободно по задумчивым дворам
За ней прошла и разочарованья
Такая ж мимолетная пора.

И, может, завтра около рассвета
Внезапно зрелость явится ко мне,
Когда рекой безжалостного света
Морозный снег объявится в окне.

Облетели леса, обмелели.
Дно у них, как у ближних полей,—
Все в снегу. Лишь глубокие ели
Сбились в кучу, чтоб было теплей.

Все тебе о себе рассказала,
Но ни отзвука нет — тишина...
Как душе моей холодно стало,
Обнаженной до самого дна!

Беспредметное чувство утраты
В ней зияет, как утренний снег...
А слова улетели куда-то,
Может, на зиму, может, навек.

Все в стихах твоих есть: «соловьи»,
И «земля», и, конечно же, «счастье»
И как будто стихи о любви,
Да иною исторгнуты страстью.

Имя ей – суета суеты.
Утвердись в заветном призвании
Ты спешишь и штампуешь цветы
Из какой-то искусственной ткани...
Так нельзя. Ведь поэт — это тот,
Кто, природу, хотя б уважая,
Закопает талант свой и ждет Урожая.

* * *

Не ревную я к Музе. Напротив,
Одинаково дороги мне
Все стихи, что из сердца выходят
Или в сердце приходят извне.
Лишь бы в хаосе, как в океане,
Дум и сил, безымянных еще,
Волей случая выудить знанье.
Чье удилище? Важно ли — чье...

* * *

Веток осенних пучок,—
Солнышко посередине,
Как золотой паучок,
Виснет в своей паутине.

Вот остановится, вот,
Ветви неслышно качая,
В них домовито снует,
Перебирая лучами...

Нравится осенью мне,
Миру доверившись слепо,
Молча в лесной глубине
Слушать природу и небо.

С каждой букашкой дружить
И ничему не дивиться,
Видя, как белую нить
Тянет железная птица.

КОТ

Славный кот наведася ко мне.
Говорит: «Живи в житейской гуще
Только обозримыми вполне
Прошлым, а особенно — грядущим.
Ограничься маленьким мирком,
Легче мышку выследить украдкой»,—
Не людским, понятно, языком
Говорит, а всей своей повадкой.

«Эх, была бы крыша надо мной!
Сам себе растратчик и добытчик,—
Я б не поступился ни одной
Из моих изысканных привычек.
Стыдно мне да и не по летам
Лезть за коркой в мусорные урны.
Я бы харчевался только там,

Где со мной обходятся культурно...»

Поурчал, попробовал мяска,
Соблюдая скромное степенство,
И прилег на край половика
С мирной песней тихого блаженства,
Потепление, равное нулю,
Излучал он весь, подзакусивший...
Я его, пожалуй, покормлю
И лежанку сделаю под крышей.

Вот отъестся малость к февраля,
Отдохнет от горестей и буден,
Может, философию свою
Пересмотрит, или позабудет

Когда умру, уйду в свои мечты,
Я не о том печалюсь, что не вспомнят...
Кто будет поливать в лугах цветы?
Кто диких голубей моих накормит?
Кто поведет с глухими разговор?
И кто, как я, с упрямым постоянством
Январской ночью станет жечь костер,
Чтоб обгореть небесное пространство?
Пусть дождь поит цветы.
Оставлю птиц.
На произвол сочувствия и лета...

Я в сумерки из лесу мчалась домой,
Но травы мне спутали ноги,
Лохматых кикимор хохочущий рой
Меня обступил у дороги.

Влекут в Мухоморье, а там – ни огня.
И мне, и себе на потеху,
Визжат и хохочут, щекочут меня,
А я... умираю от смеха.

По пням, по ухабам понес меня рой,
Мелькали кикиморьи рожи,
И пахло от них лягушиной икрой.
И я обезумела тоже.

Ослепла, оглохла в погиблом краю,
Где сгнуло люда немало,
Беспамятство в душу вселилось мою,
И, боже, душа ликовала...

Я сторожем там поработать хочу.
И часто себе представляю,
Что лесом иду, колотушкой стучу
И всякую нечисть пугаю.

Спросила у прохожего дорогу.
Он та спешил! Но все ж остановился
И пальцем указал куда-то в землю.
Он пошутил, наверное, не знаю...

Склонилась я тогда к земле весенней
И камень отодвинула случайный:
Под камнем, то и дело извиваясь,
Роились голубые червячки.

Я снова стала спрашивать дорогу.
Старушка все указывала в небо.
Но в небе было холодно, безлюдно.
Стихия неба чуждой мне была...

Запомнился прохожий с бородою:
Он указал на собственные уши.
Я много лет его не понимала,
А он лишь извинился, что глухой.

Я перестала спрашивать дорогу.
Я поняла: у всех она — своя.
И надо лишь прислушиваться к сердцу
У каждого ветвистого распутия,

Закрывать глаза, чтобы острее видеть
Слух затворить, чтобы в тиши услышать
Когда оно нечаянно подскажет,
Какой тебе дорогою идти.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Поздняя осень, ты рада,
Что обрела невпопад
Для отгоревшего сада
Этот немаркий наряд?
Серое что-то надела...
Нынче почудилось мне:
Отзвуки дня то и дело
Вязнут в его волокне.
Тихо. Как серая вата,
Облако. Гуси — и те
С плачем летят, воровато
Все по ночам, в темноте.

Отмежуйся от жизни, попробуй!
Даже дерево точит тоска.
Гибнут птицы в голодных просторах,
И теряются реки в песках.

Громяхнет неприветное слово,
Все бессмысленно рядом круша,—
И уже разрыдаться готова
И твоя неглухая душа...

Но зато, если этой душою

Ты с другими живешь заодно,
То в награду и счастье чужое,
Как твое, тебе будет дано.

Пора подумать о душе,
А значит – друг о друге...
Такие вызрели уже
Убийственные вьюги,
Такие созданы тишком
Искусственные грозы,
Что нет сомнения ни в ком,
Что нам не лгут прогнозы,
Что нужно мужество уже,
Чтобы на этом круге
Всерьез подумать о душе,
А значит, друг о друге.

Не надо, не пророчь в такие дни:
Предрек — и вот тебе невольно хочется,
Чтобы при этом сбылись все они,
Твои, порой зловещие, пророчества.

Себе не господин и не судья,
Нацелен на исход, как на задание,
Ты трудишься (незримо для себя!)
На то, чтоб оправдались предсказания...

У слова есть загадочная власть
Над делом. Я гляжу и все тревожнее
Мне от того, что есть меж ними связь.
И с нею надо быть поосторожнее.

Сочувствовать упрямо и отважно,
Ничто не осуждая, не кляня,
Всему и всем... Но, кажется, однажды
Не хватит на сочувствие меня.

На нем моя душа держалась в теле,
Как детский шар — на ниточке сквозной...
Порвется нить. Вы этого хотели,
На прочность проверяя шар земной.

Но не умру я.— Сильная, простая,
Восстану, лишь в нездешние края
Умчит она — волшебная, святая,
Последняя иллюзия моя.

Зря казнишься ты! Сердце молодо,
Если сердце,— пускай, вотще! —
Быть боится неверно понятым
Иль непонятым вообще.

Хуже, если оно отчается
Отзыв в душах людских найти.
Это значит: оно прощается,
Оказавшись в конце пути,

С юной жаждою жить в открытую,
С яркой жизнью... У всех в долгу,
Ты казнишься, а я завидую
Так, что сглазить тебя могу.

Замороженная кутерьмой,
Огляжусь я однажды невесело,
Брошу все и поеду домой,
Где росла и о будущем грезила.

Там меня повстречает ветла,
Погруженная в старое озеро:
«Ну, давай, расскажи, где была?
Где так сердце свое отморозила?»

Что отвечу? Дорога долга
И трудна — на себя и не глянула...
Тонкий месяц завис, как серьга,
А другая на дно твое канула...

Там, под крышей родного жилья,
Днем, намаявшись, спит без движения
Эта женщина... Кто она? Я?
Или только мое отражение?

Почему с ней вдвоем тяжелей
Мне свое ощущать одиночество?
Как расстаться мне хочется с ней,
Как мне с ней расподобиться хочется!

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

По улице проехала телега.
Коняге на унылые бока
Ложились хлопья тающего снега.
И не было в телеге седока.

Наверное, какой-нибудь прохожий,
Застав коня случайно одного,
Задумал пошутить: подергал вожжи
И по-хозяйски цокнул на него.

И конь пошел, пошел неторопливо,
Понюхивая мерзлые следы,
Наверное, по-своему счастливый,
Что нынче он не чувствует узды.

Но пары ярких фар — одна, другая,
Из утренней выныривая мглы,
Неслись к нему, горя и не мигая,
Заборы огибая и углы.

Конь пятился, отфыркиваясь паром,
Телега подступала тяжело,
И вдруг, полуослепшего, на фары
Машин его зачем-то понесло.

Забывшего дорожные системы,
Где всяк держись потока, стороны,
Его несло на клумбы и на стены
До новой клумбы, тумбы и стены...

Ударил выстрел правильно и жестко.
И встало все на прежние места.
Виднелись в опрокинутой повозке
Отходы пищевые для скота.

Подъехал грузовик, подняли разом
Коня, телегу. Вилось воронье.
И конь смотрел уже остывшим глазом
На краткое безумие свое.

ДЕТСТВО

Где-то бабахнет в ночи.
Что-то в стекло застучится.
Кто-то вбежит и вскричит:
«Град перебил черепицу!»

Молния зыркнет во мгле.
Спрыгну с постели, спросонья
Большой беды на земле
Просто еще не припомня.

Значит, не зная пока...
Словно не в городе сонном
Мчит грозовая река,
А в мирозданье бездонном.

Через мгновенье пойму.
Что, почему это было:
Снова в отцовском доме
Детство меня посетило.

* * *

Мама штопала. Пламенем острым
В темной печке краснели дрова.
Перессорившись, старшие сестры
На скамейке плели кружева.

Мимо снежная буря летела.
В окнах белая хмара плыла.
Мать на нас незаметно глядела
И пытливые речи вела.

Кто крутился вчера у калитки
В пиджачишке и в шапке большой?
Ладно, если повадился к Лидке,

Ну, а ежели к нашей старшой?

Мать тревожилась, сестры молчали.
Слышим — стук. Вроде некому быть...
Поняла я: дожди постучали,
И отправилась дверь отворить.

Вышла, вижу: одну из проталин
Мама штопает в мартовском дне.
— Показалось иль вправду стучали?
— Показалось... Но это ко мне.

Птичьим гомоном даль говорила.
Таял лед и помалкивал сад.
Я какую-то дверь отворила
И уже не вернулась назад.

* * *

Что сказать?
Под цветущею сливою
И тебе, и себе я лгала:
Я себя называла счастливою,
А счастливою я
Не была.

Лишь сегодня себя обличила
Я во лжи непритворной своей.
Я сегодня письмо получила
Все — в подтеках снегов и дождей.

В нем — сквозняк позабытых вокзалов
И любви в нем дыханье само
Молчаливое... Жаль, опоздало,
На семь лет опоздало письмо.

ПЕСНИ ДЛЯ ЖЕНСКОГО ГОЛОСА

1

Говорят соседушки —
Не верь им! —
Что со мной ты гнешься от беды.
Не от ветра
Клонятся деревья у реки,
А в сторону воды.
Тянутся к ней
Лучшими ветвями,
Самыми могучими. Всегда
Обступают сильными корнями
Те места,
Где водится вода...

Только не проси повиненья!
Может быть,
Я этим и дышу,
Что я временами из терпенья,

Из себя, как речка,
Выхожу.
А река
Недаром обегает
Поймут, а заботится о ней:
Берега она
Оберегает
От чрезмерной близости
Корней.

2

Когда сама к тебе лечу,
Лечу напропалую,
Слова заветные шепчу,
Глаза твои целую,
Сегодня больше, чем вчера,
Люблю и знать не знаю:
Не чересчур ли я щедра?
Не чересчур нежна я?
А может, стоило б весной
Однажды оглянуться:
С чего бы это надо мной
Подруженьки смеются?
Завидно им, что так любя,
Ничем не попрекая,
Ты ждешь меня, иль у тебя
Я не одна... такая?

3

Эх, береза ты, береза...
Поговорка говорит,
Что береза — не угроза:
Где стоит, там и шумит.

Жалко мне березы белой:
Сникнет, высохнет дотла.
Скажут люди: «Отшумела...
А красивая была!»

* * *

На бетоне, под плоскою крышей,
Вью гнездо, создавая уют
Несравненно, значительно выше,
Где обычно пернатые вьют.

Породнит меня с ними отныне
Чувство ужаса смерти сродни:
Как с птенцами я буду моими?
Ведь совсем же без крыльев они...

* * *

Погруженная в дела,
Знать, жилось тебе несладко:
Вон как в сердце залегла

Ироническая складка!
Вон как вымерзли сады
Под наскоками бореев...
Кто же он, кто эти льды
Облюбует, отогреет?
Кто отдышит на стекле
Хоть один глазок для взгляда
В мир прекрасный?
Кто? И мне
Тоже делать это надо.

В СТЕПИ

Снилось мне: степь да степь неоглядная
Вьюг и бесов хохочущих лет.
Конь хрипит и идет на попятную,
Ну а ты его гонишь вперед!..
Я проснулась. Ты куришь рассеянно,
Положив на баранку ладонь.
Степь да степь... И несется уверенно
Твой железный, сверкающий конь.

* * *

Поучал меня милый, жалея:
- Не сори добротой своею,
Не хвались, как богатством в ночи...
Отвечала ему: - Не учи.
Видишь, лунная ночь, - говорила, -
Словно пыль, серебристая мгла...
Было б золото - все раздарила б,
Если б радость была - раздала,
Чтоб крутились вовсю карусели,
Чтоб огни воссияли в глуши,
Чтобы все пировали и пели
От избытка счастливой души...
Ну а что доброта моя? Свято
Помню только одно, что порой
Доброты дорогая утрата
Восполнима чужой добротой.

Я все в тебе люблю:
И тридцать лет,
И дум твоих невинное согласие,
И старость твою...
Но будущего нет
У нашего ворованного счастья.

Над нами август
Крылья распростер.
Куда ни кинься – трепетно и грустно
Везде я вижу
Гибельный простор для твоего доверчивого чувства.

Мой дивный август!

Ржавчина листа,
Полеты звезд, семян и паутины!
Как грустно
Целовать твои уста,
Отравленные горечью рябины!

С высоты полета твоего
На себя в какую-нибудь ночь
Погляжу: не видно ничего,
Разве только – маленькую точку,
Точку тьмы, тобою, как на грех,
На земле потерянную где-то...
Кто тебе я? Гляну снизу вверх
И звезду увижу - точку света.

Все отошло: и ненависть, и горе.
Сквозь веки свет струился и тепло.
Дремала я. А близко рядом море,
Ворочаясь, дышало тяжело.

Я сны смотрела ровно, без испуга.
Свободная и телом, и душой,
Как около великого супруга,
Сама себе казалась я большой.

И только чей-то окрик человеческий
Будил во мне и горе, и вину...
Но море мне заботливо на плечи
Набрасывало зябкую волну.

Я домой приеду. Милый меня встретит.
И, почти счастливый, крепко обоймет:
- Слушай, ты у моря. Мне не изменяла?
- Изменяла с морем. Днями напролет.

Хорошо нам было: Плавали в обнимку
Под высоким солнцем, Низкою луной...
А когда прощались, Море вслед махало
Оперенной пеной, Белою волной...

И, совсем счастливый,
Не поверив шутке, Милый улыбнется:
- Морю по плечу. С ведьмою такою
Нянчиться на воле...
А того не знает, Что я не шучу.

* * *

Оставь мне память о былом
Хорошей и неполювинной...
Я не жалею ни о чем,
Когда приходишь ты с повинной
Неважно, из двоих - к кому
Ты вдруг спиной повернулся

Не то изменой я зову,
Что ты ушел,
А что вернулся.

ЗНАКОМОЙ ЖЕНЩИНЕ

1

Любили ли вы? Не любили.
Прекрасная, крепостью были.
Вы каменной были? Едва ли.
Вас силой и хитростью брали.
Разграбили, выжгли дотла.
Вам больше не делают зла...

2

Это тело, что ты износила,
Эту душу, что не сберегла –
Все с весеннею грязью смесила,
Все покрыла забвения мгла.
Как бездарны стихи эпитафий
За рядами железных оград!
И глядит на меня с фотографий
Твой пытливый, кокетливый взгляд,
Словно в милые очи глядишься...
Так легка ты, как будто бы ждешь:
Хлынет ливень – и враз растворишься,
Дунет ветер – и вмиг упорхнешь

* * *

Пшеничный рай.
Грядет страда.
Под раскаленным небом
Не только села - города
Уже пропахли хлебом.
Там, за пшеничною стеной,
Усталый, как убитый,
Уже уснул любимый мой.
Пуускай поспит.
Мы квиты.
Когда окончится страда,
И мимо черных пашен
Помчат большие поезда
По всей стране и дальше
Пшеницу, технику, овец, -
Ты сядешь, сложишь руки
И, может, вспомнишь, наконец,
Что мы с тобой -
В разлуке.

ОСЕННЕЕ СТЕКЛО

1

Я знала заповедные леса.
Там есть цветы, глядящие с упреком, -
С них скатывалась крупная роса,
Когда ты их касался ненароком.

Я знала миг, я знала только миг

Весенний, ослепительный и хрупкий,
Где я в любви призналась, как в проступке.
И ты тогда воспрянул и поник.

А лес шумел. И, может быть, впервые
Сомкнулись головою к голове
Стволы вверху. И, будто бы живые,
Роились блики в солнечной траве...

Но я, играя, крикнула: «Лови!»
И ты за мною бросился невольно.
И было сердцу больно от любви,
Как иногда глазам от света больно,

Когда я побежала по цветам
За бабочкой веселой и крылатой...
Я думала: ты вечно будешь там,
Где я тебя оставила когда-то.

2

Стоял сентябрь и тихо, и светло,
Но с каждым днем все больше холодея,
Осенний свет, как чистое стекло,
Просматривался, далями синяя.

О, как хотелось эту глубину
Душой измерить! Словно в тьму колодца,
Сказаться лучшим словом в тишину
И ждать, и ждать, когда оно вернется...

Но мне повсюду виделось стекло,
И как по эту сторону сквозило!
А там, за ним, и ровно, и светло
Горел твой ум и сдержанная сила,

Как свет в электролампе. И порой
Там женщина веселая мелькала,
Она была ни кем иной, а мной,
Но той, что, как умела, привлекала.

А здесь... а здесь жила моя печаль,
Моя душа. И, может, это лучше,
Что ты уже давно не замечал
Её ночных сомнительных отлучек.

И только иногда по вечерам,
Управившись и лампу выключая
Ты говорил, что ходит кто-то там
Как будто делать нечего, скучая

И, словно провинилась, невпопад
Прикидываясь мертвой, равнодушной
Я говорила: «Это листопад».
У нас, на юге, шумный он и душный...

Сегодня от тебя была я близко.
Душа моя, с кругов своих сойдя,
Прибитая к земле, летела низко,
Как ласточка в предчувствии дождя.

Но мелкою травинкой укололась,
Искусственному ветру поддалась
Когда промчался мимо скорый поезд
Окликнул даль - и даль отозвала

Да был ли скорый поезд или не был
Мелькнуло что-то в огненном кольце
Обдало смерчем, высветило небо
Сквозь свист железа, брошенного в цель.

И смолкло все. Но долго по-над лесом
Шатало кленов гибкие верха,
Несло перетревоженных экспрессом
Полночных птиц и листьев вороха...

Зачем он мне - с таким непостоянством
Твой образ, проступающий из тьмы?
Скажи мне, наконец, в каких пространствах
Так незаметно разминулись мы?

* * *

Когда, кругом черна и виновата,
Я шла и не искала забытья,
Раздавлена безвременной утратой
Любви, всего земного бытия,-
За мною шла голодная собака,
Я ни ее не видела, ни дня -
Я много рассказала бы, однако
Какое тебе дело до меня?
Какое тебе дело, онемелый
Не от потерь - от выгод и забот?
Я говорю: Какое тебе дело
До облака? Пускай себе плывет.

Почему я стою в тишине
Посреди многоруких растений?
Влажно, солнечно всюду. И мне
Дикий хмель обнимает колени.
Кто я? Где я? Уже не любя,
Никакими твоими глазами
Я отныне не вижу себя,
А гляжу на себя небесами.
Так покойно все стало во мне,
Что пугаюсь уже: не мертва ли?
Нет! Иначе бы, малые твари
Не стояли б вот так в стороне.
Не боялись бы птицы меня,
Ты — и тот бы меня не отринул.
Просто, выйдя теперь из огня,
В лес пришла я. И лес меня принял.

* * *

Вот и все, я тебя
Наконец-то простила.
Но, пока эта страсть
Не сгорела дотла,
Нету силы такой,
Чтобы нас примирила,
Да и слабости нет,
Что когда-то была.

В океане людском
Наши распри глухие,
Словно споры волны
С закипевшей волной, -
Лишь волнение одной
Беспредельной стихии,
Чтобы жизнь продолжалась
Любою ценой.
Пусть, ценою потерь,
Нелюбви, бездорожья...
Соловьи прилетят
И закличут во тьму, -
С кем поладишь тогда?
И с обидой, и с дрожью
Обо мне и о жизни
Расскажешь кому?
Но опомнись! Я - мать.
В эти ясные выси
Я тебя поднимала,
Лелея, как стих
От растерянных чувств
До пронзительной мысли,
От слепого «люблю»
До святого «прости».

* * *

Сказал:
«Гляди попроще
На то, что ухожу...
На все гляди попроще.»
Ну вот я и гляжу.

И вижу в новом свете,
Что ты, не клят, не мят,
Сидишь на табурете
И щиплешь виноград.

Перед тобой, бесстыжий,
Открыты все пути,
Да ты не хочешь, вижу,
Куда-либо идти.

Дуб не помнит, клен не помнит,
Что шептали в тишине,

Словно ночью тихий город
Разговаривал во сне.

Я не помню, что творилось
С этой звездной вышиной,
Что тобою говорилось,
Что отвечалось мной.
Лишь одно не позабылось:
Листьев шепчущих прибой,
Словно тайнами делилось
Все вокруг наперебой.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Мы не ждали грозы.
Мы не верили мгле.
Разве только цветы полевые,
Жалко скорчась в пыли,
Прижимались к земле,
Прикрывая глаза голубые.

Помню: с треском сухим
Загорался и гас
Белый свет в порыжелом бурьяне,
И, простреленный молнией,
Воздух потряс
Гром, упавший на дальней поляне.

Ты стоял и смотрел,
Потрясенно смеясь,
Как спирали раскручивал ветер,
Как насккивал ливень
И втапывал в грязь
И листву, и бурьян, и соцветья...

Но отходчива летом гроза.
Вдалеке
Громыхнет, заворчит напоследок,
Широко раскрывая
Круги на воде,
Горсти капель обрушатся с веток.
И последняя дрожь
Пережитых чудес
Пробежит по листве торопливо,
Отряхнется, как пес,
Перепуганный лес
И опять распрямится счастливо.
И забудется снова
Своим полусном—
Только я не забуду, наверно,
Что с грозой ты был
В этот день заодно,
А не с лесом моим,
Суеверным.

Нам с тобой не надо бы встречаться:

Все, что было, скомкано - и пусть!
Я начну веселой притворяться,
А потом и впрямь развеселюсь.

Станешь ты поглядывать геройски
И с другой по-свойски говорить,
И курить, волнуясь, папироски,
И меня случившимся корить.

Я скажу, что все перезабыла
И ко мне являться не велю.
Я скажу: другого полюбила...
А потом и вправду полюблю,

Встретимся когда-нибудь - простите!
Ты кивнешь и снова — в забытье...
Так кивает ветка на раките
Воробью, спорхнувшему с нее.

* * *

Все пройдет.
Мы еще пожалеем,
Что от солнышка прятались в тень,
С мамой семечки мы перевеем,
Только выдастся ветреный день.
Тяжко зернышки лягут в тряпицу.
Гляну вдаль - и легка, и тиха,
На ветру кувыркаясь, кружится
Шелуха, шелуха, шелуха...
В этой стае, знакомо мелькая,
Улетает - в какие края? -
Лишь вчера дорогая такая
И хваленая верность твоя;
Неудачи мои и удачи,
Песни, клятвы, ночная гроза,
Годы юности...
Нет, я не плачу –
Шелуха засорила глаза.

Ты жалуешься: очень уж устал.
Чтоб не водой, а бражкой напоила,
В свою избу, а не на сеновал
Ты просишь, чтобы я тебя впустила.

Не жалуйся на жизнь. Ты - на коне.
Твой сытый конь балует и резвится.
Такого ж подводили и ко мне -
Я не смогла к нему приноровиться.

Он на меня насмешливо косил,
То, упираясь, взбрыкивал на месте,
А то в такие дебри заносил,
В какие всадник опытный не ездил.

Не надо, проживу я без коней.
Не потому, что спешки не приемлю,
А потому, что пешему вольней
И небеса разглядывать, и землю.

Твои — и горы, и чащобы,
И я сама, и весь мой дом,
И озираюсь я кругом:
Что подарить тебе еще бы?

Но все подарено уже,
Что есть кругом — не отдариться!
Есть у меня тайник в душе...
Но он тебе не пригодится.
И как подумаю о том,
Мне все немило отчего-то,
Себя и горы, лес и дом —
Все у тебя отнять охота.

Как странно ты прислушался ко мне!
Как лес - к себе в предчувствии апрелей,
Когда невольно охнет в тишине
Ком инея, обрушиваясь с ели...

Ты не меня заждался, а весну
И принял не за ту меня - другая
Идет за мной, доверчиво сияя.
И я ее, конечно, не спугну.

На лыжи встану рано до зари,
Пойду, пойду сквозь дремлющие рощи.
Когда с разбегу скатишься с горы,
То на гору взлететь намного проще.

А там, за поворотом, на виду —
Поселок, электрички... И в вагоне
Остановлюсь и дух переведу:
Ушла. И не предвидится погони.

Хоть бы дали скорей отправленья!
Затянулось прощание... Жаль
Мне мое напускное веселье
И твою напускную печаль.

Знаю, знаю: лишь тронется поезд —
И мгновеньем в окне пролетят
Твой кивок, твой потерянный голос,
Но уже пронцаемый взгляд...

И откроется поздняя осень.
Одинокие птицы кружат.
И листья рыжеватая осыпь
По дорогам лежит, словно ржа.

Степь, знакомые сердцу могилы,
Вся еще золотая стерня...
Память детства и родины милой
Незаметно обнимет меня.

И, открыта природе, движенью,
Вдруг услышу, что тихо пою.
Не сменяю свое поражение
На победную радость твою.

Капнет быстрая капля весенняя
В кадку, полную талой воды,-
И рассеется в ней на мгновение
Отражение ближней звезды.

Свистнет поезд, взметнется метелица,
Треснет ветка в лесной глубине,-
И тогда на мгновенье рассеется
Образ твой, отраженный во мне.

И, пока он отсутствует, слушаю,
Осязаю, не видя, везде
Только эту звезду утонувшую
В искаженной холодной воде.

Стояла ночь. От выглянувшей первой
И до последней канувшей звезды
Прошло немало времени, наверно,
Поскольку белый снег замел следы

Твои, МОИ. ... И не было снаружи
Отныне доказательства тому,
Что ты здесь был, делил со мною ужин
И даже ночевал в моем дому.

За это время белые соцветья
В кувшине распустились и сошли,
И жизнь твоя, и целое столетье
Перед глазами нашими прошли.

Я медленно испробовала чашу
Твоей печали, риска... В тишине
Вдруг петлей оборачивалось наше
Совместное паренье в вышине.

...Так и живу теперь: сказать не вправе
И не сказать об этом не могу,
Что лишь ушел ты, первый след оставив
На первом, свежавшем снегу,

Я поняла, что я тебя взрастила,
И в мир впервые выпустила я,
Чтоб ждать и ждать в тревоге...

Вот как было!
Все остальное — выдумка твоя.

Так много ты мне дал
сердечности когда-то,
что думаю:
ужель не испытал
ты чувства мимолетного утраты
того, что дал?
Да, испытал.
И, может, потому
теперь, среди осеннего разора,
ответствуешь так нехотя, нескоро
ты зову моему...

Мы встретились – и сразу просияли
Его глаза от легкой доброты...
Кто женщина его мечты? Не я ли?
А сердце тихо отвечает: «Ты».

Молчи, - я говорю ему, - ошибка!
Ты погляди, ведь он совсем чужой...
Но этот взгляд, но, боже мой, улыбка!
И я с моей вспорхнувшей душой.

* * *

Постучался ко мне спозаранку.
Грешный взгляд, независимый вид...
«Я слышал, ты — немного цыганка,
Так давай, погадай», - говорит.

Что гадать? Я скажу не гадая:
Сыт, одет и надеждой согрет;
Будет дача, жена молодая,
Как надбавка за выслугу лет.

Будет все у тебя, что наметил,
Лишь с цыганкой тебе - не житье:
Все, что ценишь ты, бросит на ветер
И кольцо потеряет твое.

ОБЪЯСНЕНИЕ

1

Что с тобою нынче? Что ни слово,
Ты мне льстишь. И, словно напоказ,
Робко стимулируешь слепого
От любви, которой нет у нас.
Только я-то вижу, что ты зрячий...
Думаю, молчание храня:
Хочешь обмануть ты, не иначе.
Но кого?
Себя, а не меня.

Чувства мне не надобно ответного.
 Может быть, я этим дорожу,
 Что я у тебя, как у запретного,
 Все вокруг да около хожу.
 Все — в стихах, что в жизни не исполнилось.
 И живу я памятью дурной:
 Все, что не случилось, но запомнилось,
 Все-таки случилось со мной.

Нагрнешь, рассмешишь и расцелуешь,
 Придумаешь пленительную ложь,
 Огнями ослепишь и очаруешь,
 Подарками одаришь и уйдешь.
 И вслед тебе с тоскливым интересом
 На миг взметнутся два моих стиха,
 Так вслед за пролетающим экспрессом
 Несет осенних листьев вороха.

Вот так вышло: составила повесть
 Из того, что с годами ушло,
 Что горело, терзало, колосось,
 Синим льдом и огнем обожгло.

Говорили: темно и не ново,
 А какой тут, казалось, секрет?
 Я ззор между чувством и словом
 Постепенно сводила на нет.

То ли думала, то ли мечтала,
 Про себя повторяя тайком,
 Что мне пламя свечи нашептало
 Исступленным своим языком.

И за шепотом, трепетом, треском
 Золотого, ночного огня
 Не расслышала, что перелески
 Расцвели и глядят на меня.

Вот как вышло! В граненом стакане
 Распустились бутоны в ночи,
 Обогреты неровным дыханьем
 В поздний час запаленной свечи

ЦАРЬ ПАВЕЛ

Зацарствовалась мать Екатерина.
 В салонной суете ей дела нет,
 Что надо бы поцарствовать и сыну:
 Павлуше далеко за сорок лет.

Считает он тайком, во что ей стало:
 Война, любовник, новый туалет...
 Она всерьез уверена, что старость
 Скрадут наряд и крупный интеллект.

Она несет себя по этикету
Под взглядом обойденного сынка:
Рыхлы, где не охвачены корсетом,
Волнуются старушечьи бока.

Ах! Лестно быть в Европах на примете
С недамскою ученостью своей!
Поэты в восемнадцатом столетье
Гордились просвещенностью царей.

Упрятанный в удел сырой и дальний
От злого празднословия дворца,
Все бражничают Павел в ожиданье
Положенных и трона, и венца.

Уже плешив, еще он ходит в принцах.
И, хоть и робок, но в хмельном дыму
Сулит чины большие и бранится
Несообразно званью своему.

Потешный двор, игрушечные страсти
Вокруг него... Всем миром позабыт,
Потом уж дорвется он до власти,
Припомнит и по-царски отомстит.

В МУЗЕЕ

Как повелось, в преддверии музея
Мы все охорошились. А потом,
По сторонам почтительно глаза,
Вступили робко в Лермонтовский дом.

Мы знали: & этом доме все воспето,
Но были заготовленные днем
У каждого стихи «На смерть поэта»
И мысли сокровенные о нем.

И я по пригласительной открытке,
Как все, с неизъяснимым торжеством
Осуществляла жадную попытку
Встать вровень с недоступным божеством.

На цыпочки вставала. Глядя в лица,
Кляла давно разрушившийся трон.
Клеймила я бесчестного убийцу –
Мартынова. Отмалчивался он.

И, слушая стихи, со мною вместе
Друзья, сюда пришедшие, как в храм,
С неудовлетворенным чувством мести
Сердито озирались по углам.

А по углам меж тем уже смеркалось.
Давным-давно остывшее жилье
Казалось мертвым. И перекалялось,
И гасло красноречие мое.

2

Когда уже собрание расходилось,
Предвидя надвигавшуюся тьму, -
Сама не зная, как, я заблудилась
В неосвященном маленьком дому.

И обмерла, аукаться не смея.
Сюда вошли, там вышли, а потом,
По сторонам почтительно глаза,
Стояли здесь. Вдруг в воздухе пустом.

Послышался мне голос тихий, дальний,
Привиделся смекающийся свет...
Они сидели рядом на диване -
Не может быть - убийца и поэт.

Вселенную отныне разделяла,
Как паутина, призрачная нить
Ограды, на которой зависала
Табличка с запрещеньем - «Не входить».

Чужая речь плыла по коридору.
Как оба безразличны, боже мой,
Один из них — к посмертному позору,
Другой - к посмертной славе мировой.

3

Он то острил, то грел в руке бокал,
И, словно вспомнив нечто несмешное,
Как уходил, надолго замолкал,
Не тяготясь возникшей тишиною.

Он замолкал - и виделась мне Русь.
Лилась простая песня по долине.
И в песне той просвечивала грусть,
Как косточка в налившейся калине.

Так вот откуда этот красный свет,
Весь дрожью переполненный и звоном!..
Сидят вдвоем - преступник и поэт.
Царем поэт объявлен вне закона.

Объявлен - и теперь его убить
Посмеет всякий. Этот белозубый,
Который прежде чем заговорить,
Покусывает мнительные губы, -

Чем не убийца он? И, наконец,
Кто призовет преступника к ответу,
Когда он всадит дружеский свинец
В ранимого опального поэта?

Ах, «есть и божий суд!» Но бога нет
И нет суда, а только пересуды,
Когда в свинцовом холоде поэт
Не избежит мучительной остуды...

И я смахнула призрачную нить.
Она, как паутина в чистом поле,
Виясь, слетела, выпустив на волю
Виденье света... Можно уходить.

Не надо было трогать эту связь,
Едва обозначавшую границу.
Я умерла, чтоб заново родиться,
И до сих пор еще не родилась.

Но я слыхала тихий говор звезд.
Я вышла на дорогу. С небосвода
В мои глаза уставились всерьез
Союзники великого народа:

Некрасов, Пушкин, Лермонтов, Кольцов.
В пространстве разобщенные навеки,
Как самые огромнейшие реки,
Они впадают в нас, в конце концов

ПЕРУНОВ ЦВЕТ

Сказка

...всякий, кто достанет цвет папоротника, становится вещим человеком, знает прошедшее, настоящее и будущее, угадывает чужие мысли и понимает разговоры растений, птиц, гадов, зверей... Цветок этот открывает все замки и двери... обнаруживает подземные клады.

1

А. Н. Афанасьев. Древо

Накануне Ивана Купалы
До поры озарился восток.
Не заря в эту ночь воссияла,
А раскрылся перунов цветок,
Тот цветок, что, согласно преданьям,
Заключая в себе волшебство,
Одаряет богатством и знаньем
Тех, кто в полночь отыщет его,
Кто ладонь рассечет безоглядно,
Вложит в свежую рану цветок,
Чтоб навеки впитал его жадно
Алой крови стремительный ток...
Это так. Да сыскать его трудно:
В эту ночь от темна до светла
Миг явления цвета Перуна
Караулит в лесу сатана.
Только лопнет бутон - разольется,
Озаряя пространства, века
Тонкий свет, и нечистый метнется,
Хвать - и сгинул, и нету цветка.
Потому ему ведомы тайны
Жизни, смерти, сокровищ, дорог,
Зла, добра... Но однажды случайно
Сатана проворонил цветок.

2

Вышло так. Накануне Купалы

Загостился у кума Иван,
Выпил четверть - ни много, ни мало –
И от этого сделался пьян.
Шел насытый он, плохо одетый,
Но хмельной, и пугал тишину
Грозной бранью, за все свои беды,
Как и водится, хая жену.
Как уж вышло, что, путаясь в чаще,
Не приметил Иван, как цветок -
Цвет Перуна волшебный, горящий! –
Завалился к нему в лапоток.
Заблудился Иван и на месте
Запетлял, озираясь вокруг,-
Так, в итоге бессмысленных действий,
Очертил он магический круг.
В том кругу и уснул, недоступный
Для вселенских таинственных сил
Теневых, полуночных, преступных,
Но не вольных от хода светил.
И привиделось спящему диво:
Тьма чертей мельтешила у глаз,
Но не это его удивило,
С ним такое случалось не раз.
Изумило Ивана другое:
Он, светильник ума на земле,
Равный богу, - с хмельной головою
Не горит, пребывает во мгле.
А вокруг - самоцветы и злато,
И блуждают в горах огоньки
Сокровенных, бесчисленных кладов,
Как в трухлявых пеньках - светляки.
А вокруг - тишина, полнолуние,
Летний мир невозможно красив!
И упругая зелень июня
Пахнет, сочная, полная сил,
Облаков серебрятся колечки...
И, до первых проспав петухов,
Встал Иван, заметил местечко
И пошел до родного крылечка
С чувством, словно лишился оков.

3

Слышал все, удивляясь немало
Голосам: для него в этот миг
Все, что раньше бездумно молчало,
Обрело человеческий язык.
Стадо шло. Угнетенные мысли
Коровенок о близкой траве
Над землею надолго повисли,
Как тумана отстой - в синеве.
Соловей зазывал соловыху,
Возражал тополек молодой
Ветеркам... Просветленный и тихий,
Наш Иван и явился домой.
Постучался и видит сквозь стены,
Как жена его, Марья, - свят! свят! –

Заметавшись в доме нестепенно,
Прячет деньги, хватается хват.
«Вот как мужа встречает отрада!
Верно, думает: с вечера пьян...»
И для беглого скрытое взгляда,
Вдруг былое увидел Иван.
Он увидел с неведомой грустью
Май в цвету, как в прозрачном дыму -
Там счастливо смеялась Маруся
И во всем доверялась ему.
И ребенком ее он увидел:
Взгляд запуган, ручонки слабы...
Вот потерянно плачет в обиде,
Вот с лукошком бредет по грибы...
И в грядущее он оглянулся,
И узрел, от смятенья дрожа,
Как туманом закат затянулся
И в туман отлетела душа.
И ладья, на закате чернея,
Поплыла далеко, далеко.
В ней Мария была, а над нею
Тень Ивана вилась высоко...
И заплакал Иван. И не веря
В то, что оба они - на краю,
Он прошел сквозь закрытые двери,
Крепко обнял подругу свою.
И не знал он, - от горюшка белый,
Но прозревший, прекрасный, как бог, -
Что его невидимкою сделал
Завалившийся в лапоть цветок.
Он хотел лишь сказать:
«Я - хороший. Я люблю тебя, Маша, душа...»
Только в страхе, теряя галоши,
Маша прочь устремилась, визжа.
Босиком пронеслась по деревне,
Будто впрямь ей одиннадцать лет.
Ржали кони, качались деревья
И соседки тарачились вслед...
А Иван послонялся по хате,
Покурил, сокрушенно вздохнул
От того, что доверье утратил,
Лапти снял и мгновенно уснул.

4

Подивилась Мария, но, право,
Зажила, покоровшись судьбе...
И с тех пор прокатилась слава
Про Ивана, что он — не в себе.
Будто Марьей замечено было:
Лишь обуется утром супруг —
И тогда непонятная сила
Чудеса вытворяет вокруг.
Сами плавают в воздухе вещи,
Алый свет озаряет жильё,
Чей-то голос пророческий, вещий
В тайны тайн посвящает ее.

Складной песнею мир восхваляет,
Про какие-то клады твердит,
Государя ослом выславляет,
Со скотом по-людски говорит.
Стоит только разуться Ивану,
Да прослышать про эти слова,
Все ему непонятно и странно,
Что о нем сочиняет молва.
Хуже то, что он с Марьей не сладит.
Пристает к нему ночью и днем,
Краем уха, прослышав о кладе:
«Что?» да «где?» «Откопаем, пойдем!»
Он кивком выражает согласие.
Но обуется только — и речь
Поведет, что не в золоте счастье.
С этой речью и влезет на печь.

5

Как-то ночью в начале июля
Мигом небо завесила мгла.
Ветры дунули - звезды задули
И до срока листва полегла.
Подлетает к Ивановой хате
Всадник быстрый и темный, как тать, -
В сапогах и в костюме на вате,
Господин, по одежке видать.
Запах серы и холод в округе...
На крылечко взбежал господин.
Взголосила Мария в испуге:
«Клял царя... арестуют, поди!»
Встал Иван в ожиданье расплаты,
Без обуви, как был, без штанов.
- Кто вам нужен? - спросил виновато.
- Нужен нехристь, Иван Иванов,
Кто, по слухам, царя осуждает,
Тот, кто ведает все наперед,
Кто народу волшбой досаждает:
Кличет засуху, злато клянёт.
Тут-то Марья, подняв половицу,
Из заначки монет наскребла:
Раз приехал один - откупиться
Предлагает... Была не была!
Только гость поглядел исподлобья:
- Нет! Я взятки лаптями беру.
Собираю коллекцию: хобби...
Лапти взял и исчез на ветру.
Так Иванушка отдал нечаянно
Черту знанье, а с ним - волшебство...
Что жалеть? И обрел он случайно,
И случайно утратил его
Не рассек он ладонь безоглядно
И не втиснул под кожу цветок,
Чтоб навеки впитал его жадно
Алой крови стремительный ток.
Снова сделавшись прежним Иваном,
Все же он по ночам без пути

Ходит по лесу, трезвый и пьяный,
Ищет клад, да не может найти.
Что познал он, куда подевалось,
Все опутал забвенья бурьян...
Только слава дурная осталась
Про Ивана, что спятил Иван.